

Başlık/ Title: Из истории раннего проникновения русских людей в Сибирь и Китай: свидетельство португальского пирата Ф. М. Пинто о встрече с русскими в XVI в. / From the history of the early penetration of Russian people into Siberia and China: evidence of the Portuguese pirate F.M. Pinto about a meeting with Russians in the 16th century.

Yazarlar/ Authors
Vitaly BRONNIKOV

ORCID ID
0000-0003-0874-9254

Bu makaleye atf için: Vitaly Bronnikov, Из истории раннего проникновения русских людей в Сибирь и Китай: свидетельство португальского пирата Ф. М. Пинто о встрече с русскими в XVI в., *Türkiye Rusya Arařtırmaları Dergisi 2* (2019): 1-29.

To cite this article: Vitaly Bronnikov, Из истории раннего проникновения русских людей в Сибирь и Китай: свидетельство португальского пирата Ф. М. Пинто о встрече с русскими в XVI в., *Türkiye Rusya Arařtırmaları Dergisi 2* (2019): 1-29.

Makale Türü / Type of Article: Arařtırma Makalesi / Research Article

Yayın Geliş Tarihi / Submission Date: 14.12.2019

Yayına Kabul Tarihi / Acceptance Date: 28.12.2019

Yayın Tarihi / Date Published: 31.12.2019

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Yazar: Vitaly BRONNIKOV*

Rusların Erken Dönemde Sibirya ve Çin'e Nüfuz Etme Tarihleri: Portekizli Korsan F.M. Pinto'nun XVI. Yüzyılda Ruslarla Karşılaşması Hakkında Verdiği Bilgiler

Öz: Bu makalede Portekizli Korsan F. M. Pinto'nun Çin'deki Ruslar hakkında kalem aldığı notların tarihi etütleri ele alınmaktadır. Portekizli mezkûr korsan hakkında araştırma yapanlardan birisi olan V. N. Skalon, onun notlarını "herkesçe bilinen, fakat bütünüyle gün yüzüne çıkarılmamış" diye tanımlıyordu. Makalede, F. M. Pinto'nun yaşadığı maceralar sırasında karşılaştığı Ruslar hakkında verdiği bilgileri içeren "seyahat" bölümlerinin çevirileri yapılmıştır. Ayrıca E. V. Bretşneyder, G. E. Grum-Grşimaylo, D. A. Klements, F. Ya. Kon, İ. İ. Serebrennikov, V. N. Skalon, Ş. B. Çimitdorjiev gibi tarihçilerin konuyla ilgili farklı bakış açıları karşılaştırılarak kaşifler tarafından yapılan büyük Sibirya keşfinin arifesinde Rus elçilerin, tüccarların veya mahkumların nasıl ve ne şekilde Çin'de buldukları açıklanmıştır.

Sonuç olarak yazarın bakış açısına göre, Ruslarla karşılaşma olasılığını uygun şekilde açıklayan bir rivayet öne sürülmektedir. Bu görüş göçmen gazeteci İ. İ. Serebrennikov tarafından dile getirilmişti. Lakin daha sonraları V. V. Şebenkov eserlerinde bunu tahrif etti. F. M. Pinto tarafından ifade edilen Rusların Tatar feodal beyinin maiyetinde Çin'e geldiği sözü akademik çevrelerde hâlihazırda bir buçuk asırdır tartışmalara neden olmaktadır. Hakikaten de, sınırları uzak Batı'da olan ve dahası henüz Ural Dağları'nı geçmemiş bir devletin esrarengiz Gök İmparatorluğu'na [Çin'e] bir keşif gezisi düzenlemesini tasavvur etmek oldukça zor. Makale, mezkûr Rusların kökeninin ne olduğu ve bu karşılaşmanın Çin'in veya diğer rivayetlere göre Sibirya'nın (Tuva) neresinde gerçekleşmiş olabileceği hakkındaki soruları ele almaktadır. Araştırmacı, bu hikâyenin bir yaşlı deniz kurdunun uydurması veya "seyahat" metninin *korsanın* ölümünden sonra Cizvitler tarafından düzenlenmiş olduğu şeklindeki bir yaklaşımla kaynağın gerçekliğini tümenden reddetmenin doğru olmadığını dikkat çekiyor.

Anahtar Kelimeler: Rusya Tarihi, Çin Tarihi, Rus-Çin İlişkileri, Seyahat Tarihi, Korsanlar, F.M. Pinto, Sibirya.

From the history of the early penetration of Russian people into Siberia and China: evidence of the Portuguese pirate F.M. Pinto about a meeting with Russians in the 16th century.

Abstract: The article studies the history of the study of the message of the Portuguese pirate F.M. Pinto about Russians in China. "Well-known, but not completely unraveled" - this was how the message of the Portuguese was described by one of his first researchers, V. N. Skalon. The article provides translations of fragments of "Peregrinação" containing information about the Russians who met the pirate during his adventures. Different points of view of historians are compared (E.V. Bretschneider, G.E. Grum-Grshimailo, D.A. Klements, F. Ya. Kon, I.I.Serebrennikov, V.N. Skalon, Sh. B. Chimitdorzhiev), explaining the possibility of how Russian ambassadors, merchants, or prisoners could have ended up in China on the eve of the great exploration of Siberia by explorers.

* Аспирант Института истории СПбГУ, E-mail: bronnikov12@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0003-0874-9254.

In conclusion, a version is proposed that, according to the author, adequately explains the possibility of a meeting. This opinion was expressed by the emigrant publicist I. I. Serebrennikov, but was subsequently distorted in the works of V. V. Schebenkov. The mention made by F.M. Pinto that the Russian people arrived in China in the retinue of the Tatar feudal lord has been causing controversy in academic circles for a century and a half. Indeed, it is difficult to imagine that a state whose borders were far in the West and have not yet crossed the Ural Range, sends an expedition to the mysterious Celestial Empire. The question of the origin of the aforementioned Russian people and the place where this meeting could have taken place in China or, according to other versions, in Siberia (Tuva) is investigated in the paper. The researcher draws attention to the fact that it is not correct to completely refuse this source of truth, supposedly this story is an invention of the old pirate or Jesuits edited the text of the "Peregrinação" after his death.

Keywords: History of Russia, History of China, Russian-Chinese relations, travel history, pirates, F.M. Pinto, Siberia.

**Из истории раннего проникновения русских людей в Сибирь и Китай:
свидетельство португальского пирата Ф. М. Пинто о встрече с русскими в XVI в.**

Аннотация: В статье изучается история исследования сообщения португальского пирата Ф. М. Пинто о русских в Китае. «Известное, но не разгаданное полностью» - так было охарактеризовано сообщение португальца один из первых его исследователей В. Н. Скалоном. В статье приводятся переводы фрагментов «Странствия», содержащие информацию о русских встретившихся пирату в ходе его приключений. Сопоставляются различные точки зрения историков (Э. В. Бретшнейдер, Г. Е. Грум-Гржимайло, Д. А. Клеменц, Ф. Я. Кон, И. И. Серебренников, В. Н. Скалон, Ш. Б. Чимитдоржиев), объяснявших возможность, каким образом русские послы, купцы или пленные могли оказаться в Китае еще накануне великого освоения Сибири землепроходцами.

В заключении предлагается версия, которая, по мнению автора, адекватно объясняет возможность встречи. Данное мнение было высказано эмигрантским публицистом И. И. Серебренниковым, но впоследствии было искажено в работах В. В. Щебенкова. Упоминание, сделанное Ф. М. Пинто о том, что русские люди прибыли в Китай в свите татарского феодала, уже полтора века вызывает споры в академических кругах. Действительно, сложно себе представить, что государство, границы которого находились далеко на Западе и еще не переступили через Уральский хребет, отправляет экспедицию к загадочной Поднебесной империи. Статья затрагивает вопрос о происхождении упомянутых русских людей и о месте, в котором могла произойти данная встреча в Китае или, по другим версиям, в Сибири (Тыва). Исследователь обращает внимание на то, что не корректно полностью отказывать данному источнику в истинности, якобы эта история является выдумкой старого морского волка или редактировавших после его смерти текст «Странствий» иезуитов.

Ключевые слова: История России, история Китая, Русско-китайские отношения, история путешествий, пираты, Ф. М. Пинто, Сибирь.

Введение

Долгое время исследователи скептически оценивали сочинение престарелого пирата. Многие из того, что за свою жизнь увидел португалец Фернан Мендес Пинто в восточных морях, уже современникам казалось сказками. Столь же фантастической была и сама жизнь главного героя. По его собственному признанию, он пять раз спасался при кораблекрушении и семнадцать раз был продан в рабство.¹ Отношение к сочинению, как к полным небылицам роману, появилось уже в оценках его первых читателей. У. Конгрив в своей книге «Любовь ради любви» вложил в уста одного из героев едкое замечание: «Фернан Мендес Пинто был не чета тебе — ты лжец первой величины», а в португальском фольклоре есть известный каламбур: «Fernaо, Mentеs?» — «Minto» («Ты лжец, Фернан?» — «Да, лжец»)² Между тем, время внесло свои коррективы, к удивлению исследователей, многие эпизоды «Странствий» подтвердились востоковедческими исследованиями второй половины XIX — начала XX вв.³ После этого, исследователи, уходя в противоположную крайность, пытались найти объяснения самым фантастическим сюжетам книги. Так М. П. Алексеев и К. Г. Джейн полагали, что сочинение имело какое-то первоначальное ядро, написанное самим автором, и содержало реальные сведения его биографии. По мнению исследователей, связи пирата со св. Франциском Ксаверием во время проповеди христианства в Японии могли скомпрометировать последнего в глазах читателей, и поэтому иезуиты, получившие после смерти автора рукопись мемуаров, внесли в неё правки, превратив реальные сведения в подобие авантюрного романа.⁴ Известно,

¹ М. П. Алексеев, *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.* (Иркутск: Ирк. обл. изд-во, 1941), 421.

² К. G. Jayne, *Vasco da Gama and his successors 1469–1580* (London: Methuen & Co., 1910), 210.

³ Новый взгляд на оценку достоверности путешествия пирата отразила статья в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «Рассказ о разнообразных приключениях автора, который был даже пиратом в китайских морях, правдив, интересен и искренен». «Пинто», Энциклопедический словарь, т. XXIII а (СПб.: АО «Ф. А. Брокгауз-И. А. Ефрон», 1898), 628.

⁴ О популярности книги говорит огромное количество изданий и переводов. «В Мадриде книга Мендеса Пинто издавалась в 1620, 1627, 1628, 1664 и 1666 гг., в Валенсии - в 1645 г., и Лондоне - в 1625, 1653, 1663, 1692 гг., в Страсбурге - в 1625 и в 1671 гг., в Амстердаме - и 1652, 1653 и дважды в 1671 г.». «Факт для XVII века почти беспримерный, учитывая огромный объем и высокую цену книги. В общей же сложности, с 1614 по 1964 год в разных странах

что автор завещал свою рукопись лиссабонскому женскому дому, находящемуся под контролем духовенства. Так работа попала к иезуиту Люцену, как раз работавшему над биографией Ф. Ксаверия, а потом — к Франциску Андраде, который поделил источник на главы и озаглавившему его. Возможно, Ф. Андраде и внес самые существенные изменения в текст, который и был опубликован в 1614 г. (через 30 лет после смерти Фернана). Следует также отметить, что рукопись произведения не известна.⁵

Тем не менее, несмотря на ряд косвенных свидетельств правдивости, описываемых Ф. М. Пинто путешествий у ученых долгое время, не было ни одного источника подтверждающего рассказ пирата, так как о его жизни на востоке не было известно ничего, кроме того, что он сам описал в своих «Странствиях» и нескольких письмах. Такой источник появился в 1971 г. Португальский историк Куньо-и-Фрейтас нашел в португальских архивах завещание пирата Антонио де Фарии, описанного в сочинениях Ф. М. Пинто, как капитана, под начальством которого тот два года участвовал в плаваниях. В этом документе содержались также и некоторые биографические подробности, которые совпали с описаниями из интересующей нас книги. «Так что, — заключал известный историк пиратства И. В. Можейко, — теперь можно отнести к рассказу о пирате с большой долей доверия. И если Пинто где-то стусил краски, а в чем-то идеализировал своего героя, то общая обстановка, мотивировки поступков, характер отношений между португальцами и народами, обитающими в этом районе, переданы верно».⁶ Итак, перейдем к сути нашего исследования.⁷

мира вышло в свет не менее ста изданий «Странствий». Д. В. Деопик и Я. М. Свет, «Предисловие», *Странствия* (1972): 6.

⁵ Алексеев, *Сибирь в известиях*, 421; Жауне, *Vasco da Gama*, 217.

⁶ Деопик и Свет, «Предисловие», 11–12; И. В. Можейко, *Пираты, корсары, рейдеры: Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV–XX века)*, (СПб.: Ассоциация «ВИСТОН» ТОО «Санта», 1994), 38.

⁷ Автору настоящей статьи уже приходилось обращаться к этой теме. Привлечение дополнительной литературы позволило рассмотреть новые аспекты данной проблемы. В. Л. Бронников, «Русские в Китае в XVI веке. Рассказ португальского пирата», *Содружество*, 14 (2017): 4–17.

Приключения Пинто в Китае. Монгольский плен

По сообщению «Странствий», группа португальских пиратов (в составе которой был и сам Ф. М. Пинто) под командованием А. де Фария попытались ограбить остров Калемплю, где по легенде находились семнадцать захоронений древних царей Китая, однако, во время разграбления они были выявлены, и морским волкам пришлось быстро сниматься с якоря. В Нанкинском заливе эскадра разбойников попала в бурю, было выброшено за борта все, что удалось расхитить на острове, срублены мачты... Корабль, на котором находился герой нашего повествования, разбился о скалы — выжило всего семнадцать человек из команды. Пираты, ставшие в одночасье нищими, стали скитаться по прибрежным районам Поднебесной, везде получая различные наказания за бродяжничество от битья палками до бросания в озеро с пиявками. В итоге решением пекинского суда пираты были отправлены на год каторжных работ в крепость Кинсай (Кванси) в провинции Шаньси. Пинто не провел все время на каторге — на восьмой месяц татарский царь с огромным войском вторгся в империю и осадил Пекин. Вскоре после этого город Кинсай был взят татарами, которые освободили португальцев. Освобожденные татарским вождем португальцы стали давать советы по осаде китайских городов. За оказанные услуги они были представлены царю, которому подробно рассказали о своей стране и своей жизни. Вскоре после этого в ханскую ставку прибыло посольство от правителя Кохинхины (историческая область в южном Вьетнаме), вместе с его членами было позволено вернуться и пиратам, чтобы дальше самостоятельно проследовать до португальских владений в Малакке.⁸ Отметим, что набеги монголов, добравшихся вплоть до столицы империи, в период упадка династии Мин действительно имели место.

В описанных событиях нет ничего удивительного: на самом деле Китай в данный период находился в упадке и нередко подвергался набегам монголов (Ф. М. Пинто обобщенно всех

⁸ Ф.-Г. Кюльб, *Жизнеописания древних, средневековых и нового времени путешественников, посещавших Россию, или говоривших о ней и других странах соседственных с нею странами.* (М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1865), 241–242.

северных соседей Китая именует татарами), которые доходили даже до столицы страны.

Именно эта часть книги и вызывает самые большие сомнения своими описаниями. Например, в предисловии к русскому изданию 1972 г. комментаторы прямо писали, что «В Северном Китае Мендес Пинто, по-видимому, не бывал, и описание этой части страны и китайской столицы Пекина — смесь полуправды и вымысла, причем крупницы истины совершенно тонут в море фантастических измышлений. Пекин Мендеса Пинто так же напоминает минскую столицу, как резиденция короля Лилипутии свифтовский Лондон. Тут все неверно: и топография города, и облик его улиц и площадей, и конструкция его стен». Также неопределенны, по их мнению, и описания встреч русских людей пиратом: «Пинто дважды упоминает о Русском государстве, но его сведения о нем весьма расплывчаты».⁹

Другие авторы не так категоричны в оценке описываемых событий, признавая, что такие встречи русских людей в Поднебесной теоретически могли произойти и, пытаясь найти ответы на вопросы: кто были эти люди, как они попали в Китай и где точно произошли эти встречи?

Упоминания о русских в тексте «Странствий»

Впервые человек из Московии попался пиратам в местечке Потинлеу (гл. 85), где они остановились на девять дней во время пересылки между тюрьмами в самом начале своих китайских злоключений. По словам Ф. М. Пинто это был немец из города Хикеженс в России (по мнению Д. В. Деопика и Я. М. Света, под этим словом следует понимать Астрахань, которую монголы называли Гитаркан). «Ближайшую ночь, после того как мы описанным выше образом были посажены на судно, мы провели в большом поселке под названием Потинлеу, куда мы прибыли, когда уже смеркалось. В тюрьме мы провели следующие девять дней, так как из-за новолуния все время шли проливные дожди. В этой тюрьме угодно было господу нашему свести нас с одним заключенным немцем, который проявил к нам великую доброжелательность. На наши вопросы по-китайски (ибо объяснялись мы с ним на этом языке), откуда он родом и как попал сюда, он ответил, что он уроженец города Хикеженс в

⁹ Деопик и Свет, «Предисловие», 27, 580.

Московии и находится в тюрьме уже пять лет за убийство одного человека, осужден же на бессрочное заключение. Но, будучи иностранцем, он подал жалобу в трибунал батанпинского айтау в городе Пекине, который является главным адмиралом над тридцатью двумя адмиралами тридцати двух королевств, входящих в эту империю, каковому адмиралу в частном порядке подсудны все иностранцы и иноземные купцы; от него он надеется добиться освобождения, дабы умереть христианином среди христиан».¹⁰

Большой интерес представляет описание другой встречи путешественника с целой русской делегацией, сопровождавшей властителя Карао (гл. 124).¹¹ Ф. М. Пинто описал, что около 1544 г., освобожденный монголами, он попал в город Тьюмикан (Tuymican), где монгольский правитель принимал послов от разных стран. И далее: «Другой был король могорский (Mogores), государство которого находится в самом сердце страны около Согезонес (Хорассана?), области, близкой к Персии и царству Делийскому (Dely) и Хиторскому (Chitor), и государь, называемый Каран (Caran), который, как мы узнали здесь, имеет границы своего владения в горах Гонкалидана (Goncalidan), вместе с людьми, которых местные жители называют московитами (Moscovites), и несколько человек, которых мы видели в этом городе, то есть в Тьюмикане: они белокуры, хорошо сложены, одеты в широкие штаны, дорожные плащи с широкими рукавами и шапки, подобно фламандцам и швейцарцам, которых мы видели в Европе, причем наиболее уважаемые из них были одеты в кафтаны, подбитые соболями и другими мехами. Все они носили большие и широкие сабли, и мы заметили, что в своем языке они употребляли и некоторые латинские слова, и что, даже, зевая, они трижды повторяли: "Dominus! Dominus! Dominus!" Это показалось нам скорее язычески, чем по-христиански; что же еще хуже было в них — это содомский грех, которому они очень были подвержены».¹²

¹⁰ Ф. М. Пинто, *Странствия* (М.: Художественная литература, 1972), 249–250.

¹¹ К сожалению, в издании «Странствий» 1972 г. главы 87–128, содержащие описание Китая, пропущены. Вместо них приведен их краткий пересказ, составленный комментаторами текста. Однако имеется отдельный перевод интересующего нас пассажа, выполненный М. П. Алексеевым с издания «Peregrinacao de Fernao Mendes Pinto» (Lisboa, 1829), которое наиболее точно воспроизводит текст 1614 г.

¹² Алексеев, *Сибирь в известиях*, 311.

В историографии на данный пассаж впервые обратил внимание русский китаевед Э. В. Бретшнейдер в 1888 г. Вскоре тема стала предметом пристального изучения английских (Э. Г. Паркер, С. Уилер, Дж. Бэддли, К. Г. Джейн), а немногим позже и русских дореволюционных авторов. Примечательно, что наивысший интерес к теме проявили ранние советские исследователи. Тема освещалась практически во всех работах по истории ранних российско-китайских отношений, зачастую получая самые неожиданные интерпретации. Однако с начала шестидесятых годов тема неожиданно пропала из поля зрения ученых (совсем краткие упоминания есть в сочинениях Ш. Б. Чимитдоржиева и В. Г. Дацышена): академическая наука не смогла объяснить содержание источника и как будто отгородилась стеной от непонятной темы. Лишь в научно-популярных работах С. Н. Маркова тема нашла некоторое развитие.

Э. В. Бретшнейдер писал, что нет никаких документальных свидетельств о контактах между Россией и Китаем до начала XVII в. Это было связано с большими расстояниями, отделяющими две страны: в 1581 г. Ермак взял только столицу Сибирского ханства. Русские, по его мнению, могли располагать сведениями лишь о землях до Иртыша и долины Сырдарьи. Таким образом, упоминание о русских в Северном Китае в сочинении Ф. М. Пинто исследователь считал курьезом.¹³ Автор датировал описываемые события приблизительно 1543 г., и поставил вопрос о месте, где могли происходить описываемые события, так как упомянутого города Тюймикан никогда не существовало. Ученый, однако, указал на деталь из пассажа, что русские вспоминали имя бога во время зевания (так во французском варианте, в испанском же тексте говорится, что они чихали «quando estornudauan»). По его мнению, это, несомненно, говорило о том, что путешественники были русскими людьми, так как только им присуща привычка,

¹³ Надо отметить, что Э. В. Бретшнейдер пользовался не первоисточником, а очень искаженным французским переводом 1628 г. (см.: B. Figuiet, *Voyage aventureux de F. Mendez Pinto* (Paris: 1628), 265.

осенять себя крестным знаменем и помянуть бога, когда зевают.¹⁴

Итак, Э. В. Бретшнейдер выдвинул первую версию, объясняющую каким образом, русские очутились в Китае — это были послы или путешественники. Но было ли возможно в тех условиях, когда две страны разделяли огромные расстояния, подобное путешествие?

Послы

Долгое время свидетельством о раннем посещении русскими Китая считалось сообщение о путешествии казаков в Монголию и Китай в 1567 г. Этот источник, приведен во многих хронографах, впервые был найден в библиотеке гр. Ф. А. Толстого и введен в научный оборот Н. М. Карамзиным. Историк отметил, что «уже твердо зная путь в сию столицу Едигерову и Кучумову, где бывали чиновники Московские, любопытный Иоанн желал узнать и страны дальнейшие: для того в 1567 году послал двух атаманов, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, за Сибирь на Юг, с дружественными грамотами к неизвестным властителям неизвестных народов. Атаманы благополучно возвратились и представили государю описание всех земель от Байкала до моря Корейского, быв в улусах *Черной* или Западной Мунгалии, подвластной разным князьям, и в городах Восточной или *Желтой*, где царствовала женщина, и где народ пользовался выгодами земледелия, скотоводства, торговли. Упомянув по слуху о Туркестане, Бухарии, Кашгаре, Тибете, путешественники Иоанновы сказывают в своем любопытном донесении, что грамота Мунгальской царицы отверзла для них железные ворота стены китайской; но что, свободно достигнув богатого, многолюдного Пекина, они не могли видеть императора, не имея к нему даров от государя. Так мы узнали Китай, быв обязаны сим первым достоверным об нем известием редкому смыслу, мужеству, терпению двух казаков, умевших преодолеть все труды, опасности пути дальнего, неведомого сквозь степи, горы и кочевья варваров, виденные,

¹⁴ Э. В. Бергшнейдер, «О путях по Монголии». *Записки Императорского Русского географического общества по общей географии* 22/1 (1892): 3–5; E. Bretschneider, *Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*, Vol. II (London: 1888): 154–155.

может быть, только отчасти славным венецианским путешественником XIII века, Марком Полом».¹⁵ В примечаниях к этому пассажи Н. М. Карамзин привел текст источника и указал, что уже известное науке путешествие Ивана Петлина, детали экспедиции которого сильно повторяют историю 1567 г., на самом деле является выдумкой самого И. Петлина. «Сей Петлин, — отмечал ученый, — вероятно, не бывал в Китае, а списал донесение атаманов Ивана Петрова и Ялычева, упомянув только в начале о первом, а в конце прибавив несколько строк от себя».¹⁶

История о путешествии казаков в 1567 г. вызывала сомнения исследователей конца XIX — начала XX вв. Х. Трусевич подверг источник критике, убедительно доказав, что в действительности имело место путешествие Ивана Петлина 1618 г., а история Ивана Петрова, видимо, является попыткой её удревления.¹⁷ На это сообщение обратил внимание Э. В. Бретшнейдер, отметив, что упомянутых Ф. М. Пинто русских людей нельзя отождествить с казаками И. Петровым и Б. Ялычевым.¹⁸

Э. В. Бретшнейдер рассказал о своем наблюдении другому известному китаеведу Э. Г. Паркеру, который стоял на идеи раннего достижения Китая русскими, признавая возможность путешествия 1567 г. Однако и за двадцать лет до этого, по его мнению, русские вполне могли добраться до провинции Шаньси, что «достоверно известно», так как пират, сосланный на строительство Великой Китайской стены, сам был свидетелем этого. Цели этих путешественников неизвестны, понятно лишь, что дружественные монголы освободили их от какой-то опасности.¹⁹

С. Уилер пытался сопоставить описанные пиратом события с известными историческими фактами. По его мнению, под татарским королем подразумевается алтын-хан, внук

¹⁵ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, т. IX (СПб.: 1821), 374–375.

¹⁶ Карамзин, *История государства Российского*, 235–241.

¹⁷ Окончательно эта версия была опровергнута Ф. И. Покровским. См.: Х. Трусевич *Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века)* (М.: тип. Т. Малинского, 1882), 1–3; Ф. И. Покровский, «Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.)» *Известия отделения русского языка и словесности Академии наук*, т. 18, кн. 4 (1913), 257–263.

¹⁸ Бретшнейдер, «О путях по Монголии», 4.

¹⁹ Э. Г. Паркер, *Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен и до наших дней* (СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1903), 178–179.

объединителя Монголии Даян-хана. Алтын-хан был фактическим «лидером конфедерации» монгольских племен. Этот властитель на протяжении 1529–1556 вел постоянные войны против Китая. В 1544 г. он вторгся в провинцию Pe-Cheli и, опустошая все на своём пути, сумел дойти до Пекина. Ф. М. Пинто в это время находился в городе Кинсай, недалеко от столицы. 3 июля 1544 г. он узнал, что татарский король потерпел поражение (как установил С. Уилер, дата ошибочна), а вскоре и этот город подвергся штурму, в результате которого было убито 60 тыс. человек. Сам же герой повествования со своими товарищами остался цел и был доставлен в ставку великого хана. Не сумев взять столицы, монголы отправились в обратный путь, пройдя через Великую Китайскую стену, город Ланкама и очутились в г. Тюймикан, около озера Коконор. Исследователь пытался определить национальную принадлежность прибывших к алтын-хану послов «шести великих и сильных монархий», однако интересующего нас императора Карана он не смог идентифицировать. Именно из страны этого властителя прибыли люди, названные «Muscovites». Этот же автор обратил внимание и на другой момент, впоследствии также изучаемый в контексте рассматриваемого нами сюжета. Получив разрешение следовать вместе с послом к правителю Кохинхины, Ф. М. Пинто и его спутники добрались до города Puxanguim, оборонительная система которого включала деревянные пушки, сделанные в виде насосов. На вопрос португальцев кто сконструировал эти орудия, был получен ответ «эти люди назывались Almain из страны Muscovy», они прибыли вместе с некой вдовой, гонимые королем Дании. Ученый, пытаясь объяснить этот странный пассаж, нашел, как ему казалось ответ в сочинении Х. Г. Мендозы «История Китая» (1585 г.). В книге говорилось, что, несмотря на то, что китайцы стали широко применять огнестрельное оружие задолго до европейцев, тем не менее, сами они впервые познакомились с пушками в 1330 г., когда их привез в страну один немец.²⁰

К. Г. Джейн ничего не добавил к изучению темы, всего лишь повторив, всю информацию, описанную предыдущим автором.²¹

²⁰ S. Wheeler, «Mendez Pinto», *The Geographical Journal* 1/2 (1893): 142-144.

²¹ Jayne, *Vasco da Gama*, 213-214.

Большой вклад в исследование темы внес Дж. Бэддли. Этот исследователь также пытался связать упомянутые в сочинении Ф. М. Пинто топонимы с существующими в действительности названиями. Так город Tuumican — в объяснении ученого это Kwei ho-chang, а Piuanguium — это упомянутый в «Книге о разнообразии мира» Марко Поло Pulisanghin или Pulisangu, обозначенный на карте Джакомо Гастальдо «Tertia Pars Asiae» (1561 г.).²²

Еще одним иностранным историком, внесшим вклад в изучение данной темы, был немецкий ученый А. Вирт. В одном из изданий текста «Странствий» он нашел упоминание, что одного из русских послов звали Leuxigau, что, по его мнению, является транслитерацией фамилии Ялычев (Jalütschew), хотя все сообщения о русских посольствах он назвал «баснями». Анализируя упоминаемые в тексте топонимы и этнонимы, автор сделал ряд смелых предположений относительно земель, до которых удалось добраться португальцу. Так, например, Gangtiana, где был пират — это Сахалин, был он и на Амуре, так как в тексте упомянут народ Gigauhos, то есть гиляки. Ученый также обратил внимание на тот факт, что большинство сведений о землях севернее Китая не точны, и, скорее всего, были получены пиратом от китайцев. В его понимании Москомбия — это большое озеро, а Алемания — это гористая местность.²³

Из отечественных авторов после публикации Э. В. Бретшнейдера упомянул о сюжете Д. А. Клеменц. Этот исследователь полагал, что виденные пиратом русские люди — это купцы, которые в середине XVI в. сумели преодолеть пространство Сибири. Описываемая встреча, по его мнению, произошла за Саянами на р. Хемчик (в ранних русских источниках именовался Кумчак, левый приток р. Енисей) и это был не единичный случай, в описываемый период, подчеркивал автор, русские уже проходили до Саян и Телецкого озера, а в XVII в. преодолевали еще большие расстояния.²⁴

Ф. Я. Кон также указывал, что встреча произошла на р. Хемчик, русские были купцами или разведчиками,

²² J. Baddeley, *Russia, Mongolia, China*, Vol. I (London: Macmillan and Co., 1919), LXI–LXIV.

²³ A. Wirth, *Geschichte Asiens und Osteuropa* (Halle: Gebauer-Schwetschke Druckerei, 1905), 425–426.

²⁴ Д. А. Клеменц, «Население», *Сибирь, её современное состояние и её нужды* (1908), 40–41.

действовавшие под видом купцов. Автор, однако, датировал описываемые пиратом события уже XVII в.: после посольства Василия Тюменца царь Михаил Федорович отправил грамоты тобольскому воеводе И. С. Куракину и томскому воеводе И. Ф. Шаховскому, не вести отношений с Китаем и государством алтын-ханов, а разведывать информацию о населении, городах, религии, войнах, торговле, и как отмечалось далее: «А будет мочно, то послать нарочно к Алтын-царю и в Китайское государство не посольство и не от себя, из казаков или из каких людей нибудь, затеяв будто ненароком отколь к ним вышли. И у них бы им быть и их земли, и города и обычаи видети и о всем их против наша грамоты распросити и к нам отписать подлинно».²⁵

Исследования Ф. Я. Кона подверглись критике со стороны Г. Е. Грум-Гржимайло. По мнению этого исследователя Ф. М. Пинто никак не мог, двигаясь из Китая, преодолеть пустыню Гоби. Кроме того, первые события, относящиеся к освоению Сибири, это начало похода Ермака в 1581 г. и основание Тобольска в 1587 г. — к тому времени португалец уже давно закончил свои путешествия. Также необходимо добавить, что приговор Боярской думы о запрете сношений с Китаем и государством алтын-ханов датируется 31 декабря 1616 г., а приводимая Ф. Я. Коном цитата вообще относится к 7 мая 1620 г., то есть все это произошло много позже описанных Ф. М. Пинто событий (около 1544 г.) и даже его смерти (1583 г.). Поэтому говорить о проникновении русских землепроходцев в верховья Енисея, по мнению Г. Е. Грум-Гржимайло, можно лишь только после усмирения четырех киргизских княжеств.²⁶

Как отмечал Н. М. Моллеров, положение Ф. Я. Кона о столь раннем периоде освоения русскими территории современной Тувы было подхвачено для идейного обоснования российских притязаний на территории Урянхайского края (например, со стороны купца и исследователя Г. П. Сафьянова).²⁷

²⁵ Ф. Я. Кон, «Усинский край», *Записки Красноярского подъотдела Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. Записки по географии*, т. II, вып. I (1914), 24–25.

²⁶ Г. Е. Грум-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, Т. III, вып. II. (Л.: 1930), 522–523.

²⁷ Н. М. Моллеров, «О спорных суждениях и ошибочных положениях Феликса Кона при освещении российско-тувинских отношений», *История науки и техники* 9 (2015): 48.

Если труды Д. А. Клеменца и Ф. Я. Кона больше относились к статистике и географии, то работа Н. В. Кюнера является сочинением профессионального историка-востоковеда. Этот исследователь также уделил внимание рассказу пирата. По его мнению, выходило, что единичные экспедиции даже в XVI в. иногда добирались так далеко на Восток: «Только в XVI столетии русские люди, казаки, побуждаемые предприимчивым духом и любознательностью, отчасти прельщаемые богатствами и ожидаемыми торговыми выгодами вопреки дальности расстояния и трудности пути, углублялись внутрь Центральноазиатских степей и пустынь и доходили до Китая». В качестве доказательства своему тезису он и привел, во-первых, историю о посольстве Ивана Петрова и мурзы Бурнаша Ялычева и, во-вторых, сообщение португальца, «весьма правдоподобное». Описанное путешествие случилось во время странствий Ф. М. Пинто по Китаю в 1537–1558 гг.²⁸

Под влиянием предыдущей точки зрения писал и М. Андреев. Этот автор полагал, что под влиянием многочисленных рассказов иностранных послов, добивавшихся привилегий для транзитной торговли с Китаем, Иван Грозный заинтересовался богатствами стран Востока. Для разведки стран, находящихся за Сибирью, и была отправлена экспедиция 1567 г., по возвращению которой была составлена «ропись». Возможно, именно этих послов и видел португальский путешественник, странствия которого как раз относятся к этому периоду 1539–1568 гг. (автор ошибся в датировке), но исследователь также допускал, что это могла быть и другая русская экспедиция. Ученый не ставил под сомнение факт, что Ф. М. Пинто «встретил в ставке Монгольского хана, в Западном Китае, на границе с Монголией, московских людей».²⁹

Наибольший вклад в исследование загадки внесли М. П. Алексеев и В. Н. Скалон. Так первый исследователь, проанализировав «любопытное, хотя и не вполне ясное свидетельство португальского авантюриста Мендеса Пинто», отмечал, слабое владение писателем информацией: пират очень

²⁸ Н. В. Кюнер, «Исторический очерк сношений между Россией и Китаем до второй половины XIX в.» *Новейшая история стран Дальнего Востока*, ч. II, вып. III (1910), 1-2.

²⁹ М. Андреев, «Из истории сношений России с Китаем (XVII–XX вв.)», *Северная Азия*, 5/6 (1925): 53–54.

мало знал о «Москобии», московитах и алеманах, возможно, только то, что рассказали ему китайцы и совсем ничего не знал о Сибири, даже, если принять во внимание мнение А. Вирта, о том, что пират в своих путешествиях добирался даже до Сахалина. Вероятность русского путешествия в Китай в 1543 или 1544 г. ученый не отрицал. О возможности таких длительных переходов косвенно может свидетельствовать российско-китайская торговля, носившая, правда, еще спорадический характер, в Бухаре (на которую указывал Б. Г. Курц). Однако подчеркивал ученый, если допустить, что описание пирата верно, то все равно по столь «неясному» источнику невозможно судить о том, насколько торговые экспедиции в Китай были частым явлением. М. П. Алексеев на наш взгляд абсолютно правильно нашел указание на Среднюю Азию, однако не пошел дальше постановки вопроса откуда мог прибыть «некий татарский владетель Carao (из Бухары, Крыма или Казани?)».³⁰ М. П. Алексеев кратко пересказал выводы А. Вирта и Дж. Бэддли. Относительно истории о путешествии к королю Кохинхины через город *Pianguium*, он полагал, что «несмотря на очевидные искажения и ошибки в этом рассказе», там есть какая-то историческая основа. В изложении ученого это отрывок выглядит так: «Внимание его (Ф. М. Пинто. — В. Б.) обратили башни и зубчатые стены, широкие рвы, каменные мосты и в особенности орудия особой конструкции, сделанные из дерева и напоминающие насосы. “Когда я спросил у посланников, кто изобрел этот способ стрельбы? Они отвечали нам — люди, называемые *Alimanis* из страны, называемой *Muscoo*, прибывшие сюда через озеро соленой воды, очень глубокое и обширное, на 9-ти вёсельной лодке, в общество женщины-вдовы, владельницы местности, называемой *Guaytor*, которую, как говорили, король датский изгнал из ее страны”. К этому прибавлено известие, что “прадед нынешнего татарского короля”, женил ее трех сыновей на своих родственницах, и что от них именно произошли главные знатные фамилии этого государства”».

Исследователь считал неудачной попытку С. Уилера показать, будто бы секрет огнестрельного оружия был принесен в Китае в 1330 г. неким немецким мастером (о том, что

³⁰ Алексеев, *Сибирь в известиях*, XLV, 97–98, 311.

огнестрельное оружие было известно в Китае еще около 80 г. н. э. известно еще из сочинений Фомы Аквинского и Леконта). Однако на Руси, указывал историк со ссылкой сочинение Н. Е. Бранденбурга «Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея», первые мастера пушечного дела, прибывшие в XV в., были немцами. Таким образом, заключал он, получается, что алеманы из страны Muscoo, занимавшиеся фортификацией города Piuanguium, были пушечных дел мастерами, немцами по происхождению, следовательно, и прибывшие в Тюймикан послы, видимо, были также немцами.³¹

В. Н. Скалон также не отрицал возможности достижения Китая в конце XVI в.³² Он указывал, что о многих экспедициях этого периода не осталось никаких следов в письменных источниках того времени, и узнать о них возможно лишь по косвенным данным. Помимо торговли русских и китайцев на бухарских рынках, он допускал также мнение Д. А. Клеменца и Ф. Я. Кона, что торговля велась и на территории Тувы. Доказательством ранних торговых связей могут служить находки китайских импортов. Так в 1930 г. исследователь, собирая «подъемный материал» у развалин Мангазеи, на подмытом р. Таз берегу, обнаружил осколки китайского фарфора, из нижних слоев. Значит, сделал вывод ученый, мангазейцы, занимавшиеся торговлей, были независимы от правительства и уже в конце XVI в. знали пути на юг Сибири. Возможным представлялся ему в данном случае и ретроспективный взгляд на источники начала XVII в. о том, что пути к Китаю были уже знакомы русским к тому времени. Например, мангазейцы, организовывая морские

³¹ Алексеев, *Сибирь в известиях*, 420–423.

³² Этот исследователь дал и свою трактовку истории путешествия Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, упомянутого в хронографах и в «Чертежной книге Сибири». Так он обратил внимание на сообщение И. Массы о том, что при Федоре Иоанновиче по инициативе Бориса Годунова была организована экспедиция вдоль Оби, которую он и посчитал подтверждением истории о путешествии в Китай, которую впоследствии удрешили до 1567 г. Отметим лишь, что в упомянутом сообщении И. Массы речь идет лишь об изучении сибирских территорий (по В. Н. Скалону И. Масса мог видеть отчет «доезд» этой экспедиции), как отмечал голландец, путешественники, форсировав Обь, стали следовать «вглубь по направлению к востоку и северо-востоку» И. Масса, «Покорение Сибири», *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.* (1941), 259–260; В. Н. Скалон, *Русские землепроходцы - исследователи Сибири XVII века.* (М.: 1951), 8–9.

экспедиции на восток, параллельно исследовали долины великих рек Сибири. Так в 1616 г. торговый человек Кондратий Куркин (Курочкин), желавший пройти северным морями на восток, описал с опасением сложности, которые могут возникнуть при плавании по Енисею. Исследователь обратил внимание, что путешественнику знакомы не только нижнее и среднее течение, но и территории, где «боры, горный лес» и главное земли доступные для земледелия, то есть самый юг долины реки на границе со степью.³³ Другое свидетельство ученый увидел в отписке воеводы Куракина с товарищами, о том что «река Енисей угодна, рыбы в ней много, а живут по ней пашенные тотаровья», из чего он сделал вывод, что русским землепроходцам были хорошо известны территории вплоть до Саян, так как речь здесь идет об аборигенах присаянских степей.³⁴ Еще одно свидетельство ученый нашел в работе К. Голодникова, о том, что к 1640 г. в России располагали точными сведениями «о взаимоотношении Енисея и Верхней Тунгуски», так как в этом году на эту тему уже спорили с аборигенами. Значит, сделал вывод автор, «сведения об Енисее выше Красноярска должны были быть собраны много ранее». Все это бесспорно свидетельствует, по мнению В. Н. Скалона, о том, что освоение путей к Китаю началось уже в XVI в. Касательно пассажа, описанного Ф. М. Пинто, говорится, что события произошли около 1544 г. на территории Тувы, которую автор ошибочно считал частью Китая (в действительности вошла в состав империи только в 1758 г.). Приехавшие же русские люди в составе экспедиции татарского владетеля были купцами. «Следовательно, - заключал ученый, - можно считать вероятным, что в XVI веке русские люди сумели осуществить упорную мечту западного мира того времени - они нашли не только морской, вдоль берегов Сибири, но и речной, через Таз и Енисей, путь из Европы в Китай».³⁵

Пожалуй, самую крайнюю и наименее убедительную позицию принял А. Г. Банников. По его мнению, связи между

³³ «Отписки тобольских воевод царю Михаилу Федоровичу о путях сообщения из Мангазеи на Русь», *Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией*, т. II (1875), 1050.

³⁴ «Отписки тобольских воевод», 1052.

³⁵ Скалон, *Русские землепроходцы*, 135-137.

Русью и Монголией, установленные еще в XIII в. никуда не исчезли и после падения ига. Путешествия продолжались и в последующие века и тот факт, что русские послы около 1543 г. оказались в лагере монгольского хана (автор не ставил этот факт под сомнение) напрямую, как ему казалось, подтверждает его мнение. «Однако никаких описаний эти послы не оставили, - сетовал исследователь, - Подорожные записи их, если таковые были написаны, оказались утрачены для истории».³⁶

Исследуемый сюжет также был упомянут и в научно-популярной работе по истории Сибири, написанной Р. С. Васильевским и Д. Я. Резуном - авторы указывали, что до сих пор исследователями, занимавшихся историей освоения Сибири игнорировалось сообщение Ф. М. Пинто о том, что земплепроходцы «может быть, отваживались проникать и дальше на восток».³⁷ Данная фраза является вырванной из контекста цитатой М. П. Алексеева: «А может быть, отваживались проникать и дальше на восток, что подтверждает ускользавшее от русских исследователей свидетельство португальского пирата Пинго 1543 г».

Сюжет о русских в Поднебесной в середине XVI в. не мог не заинтересовать С. Н. Маркова, автора многочисленных научно-популярных трудов по истории российских путешествий и географических открытий. Данный сюжет описан им в книгах «Земной круг» и «Вечный следы».³⁸ Автор, проанализировав сообщение пирата, предположил, что первое путешествие произошло ещё около 1400 г. К этому выводу он пришел, исходя из упоминания трех поколений предшествовавших современным ему (в разных сочинениях исследователь указывал или 1544, или 1545 г.) татарских (по его мнению, речь идет о монголах) ханов, которые вели своё происхождение от «женщины-вдовы, владельницы местности, называемой Суаутор», выгнанной датским королем. «Взяв условно общую продолжительность жизни трех людских поколений, — считал писатель, — легко высчитать, что приезд людей из «страны,

³⁶ А. Г. Банников, *Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай* (М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949), 3.

³⁷ Р. С. Васильевский и Д. Я. Резун, *Воспитание историей* (Новосибирск: Кн. изд-во, 1987), 41.

³⁸ Глава из книги «Вечные следы» ранее была опубликована в журнале «Простор» (№ 6 (1973): 73–86).

называемой “Muscoo”», мог произойти около 1400 года, во всяком случае, в первой четверти XV века». Обратившись к сообщениям русских источников, автор обратил внимание на сообщение о том, что в 1419 г. на Водскую пятину в составе Новгородской республики было совершено нападение норвежцев, которое, возможно, привело к бегству народа, «но ставить при этом своей конечной целью Китай поморские беглецы, разумеется, не могли. Тем не менее, если в то время существовали связи Восточной Азии с северными странами, слухи о событиях на Северо-Западе могли достигать Китая по живой цепи народов, связанных между собою торговлей сокровищами Севера». Автор также попытался связать упомянутую в источнике местность с поморским селением Кигор и сделал предположение, будто предки этих северян в XIII в, спасаясь от монгольского нашествия, переселились в Данию и Норвегию. Последнее подтверждается данными письменных источников, так известно, что из Северной Руси в Данию прибыло около сорока судов с русскими беженцами, а в Норвегии король Хакон Старый даже отвел для прибывших русских берег фьорда Малангр.

Пытался автор определить и место описываемых событий. Он обратил внимание, что название города совпадает с упомянутым Марко Поло «лучшим на свете» мостом Пулсангин. Этот мост поражал своими масштабами (двадцать четыре свода), был сделан из серого мрамора и украшен статуями львов. Перекинуто это чудо инженерной мысли было через р. Юндинхэ (приток Бэйхэ), к юго-западу от Пекина. Ближайшим в XVI в. к мосту городом был Фоучен, видимо, под названием Пулсангин он и подразумевается. Кроме того, пират со своими спутниками, видимо, спускался по р. Хуанхэ, а Фоучен как раз находится на этой реке. Далее, разбирая сюжет, С. Н. Марков попытался отождествить и «озеро соленой воды», через которое переправлялась на пути в Китай отважная северная княгиня вместе со своими сыновьями и загадочными московскими немцами». Автор предположил, что это могло быть озеро Лобнор (китайские названия — Янь-цу, то есть «соленое озеро (болото)» и Пучан-хай, то есть «море Пучан»). Это подтверждается тем, что торговый путь из Каффы в Пекин проходила именно мимо Лобнора. На вопрос, почему путешественники вместо того, чтобы обойти озеро решили переплыть его на «девятивесельной лодке», С. Н. Марков автор отвечал, что существовала Великая водная дорога, то есть Обь,

которая, как мощная транспортная артерия, пересекала всю Сибирь, от арктических морей на севере до озера Зайсан на юге, то есть, возможно, что под «соленым озером» мог на самом деле подразумеваться Зайсан, который монголы могли спутать с Лобнором. Об этой торговле было известно и русским людям — в изложении С. Герберштейна сообщалось, что у озера Зайсан ведется обмен между «черными людьми» с юга, приносящими самоцветы и жемчуг и людьми севера, предлагающими в обмен моржовые кости, меха и полярных соколов.

Автор также обратил внимание на слова пирата о том, что Ф. М. Пинто и его спутники видели русских на севере Китая и до приезда посольства Карао. Таким образом, в его изложении называется три встречи путешественника с русскими людьми: первый раз еще на починке Великой Китайской стены (!?), которые «попали в Китай, испытали там какую-то беду, но были спасены дружелюбно настроенными монголами» (это заблуждение автор почерпнул, видимо, из труда Э. Г. Паркера), во второй раз русские прибыли в составе свиты хана Карао (Карана), столица которого располагалась у города Гонкалидан, скорее всего, где-то в Средней Азии. Наконец, в третий раз, указал С. Н. Марков опять же без ссылки на источники, что португалец встретил еще одно русское посольство к монголам, которое «поражало своим великолепием».³⁹

В настоящее время версию о том, что «и в XV–XVI вв. русские не раз посещали Северную столицу Китая, но достоверные документальные данные на этот счет в научный оборот пока не введены» поддерживает В. Г. Дацышен. Свидетельством же этому он считает упомянутый португальцем пассаж о приезде, как он считает русских казаков в Китай между 1537 и 1558 гг.⁴⁰

Гвардейцы

В 1863 г. в редакцию столичного журнала «Духовная беседа» пришло письмо, озаглавленное «Китайские вести из Рима», подписанное А.П. Об отправителе говорилось лишь, что «достопочтенный автор этого письма, живущий теперь в Риме,

³⁹ С. Н. Марков, *Вечные следы: книга о землепроходцах и мореходах* (М.: Современник, 1982), 58–60; С. Н. Марков, *Земной круг: книга о землепроходцах и мореходах* (М.: Мол. гвардия, 1971), 143–146, 254.

⁴⁰ В. Г. Дацышен, *История русско-китайских отношений (1618–1917 гг.)* (Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004), 25.

был прежде настоятелем нашей пекинской миссии». Как оказалось, под инициалами скрывался архимандрит Палладий (в миру П. И. Кафаров), один из самых выдающихся китаеведов того времени. Ученый писал, что в изученном им тексте хроники «Юань ши» есть упоминания о том, что уведенные татаро-монголами пленники русские, аланы и кипчаки оказались в Китае. Там из представителей этих народов было создано три полка пекинской гвардии, каждый со своим командованием и документацией: кинча из кипчаков, асу из алан и олосы из русских. В источнике русский полк впервые упомянут в 1330 г. в правление императора Туг-Тэмур, которому исследователь и приписал основание Охранного полка из русских, прославившегося верноподданностью (Сеань джу улосы хувэй цинь цзюнь). Этот же властитель назначил главой формирования темника третьей ступени, а непосредственное командование осуществлялось из главного заведывания высшего военного совета в Пекине. Для русских солдат было создано военное поселение к северу от столицы (видимо, между Великой Китайской стеной и Пекинской равниной), для чего у проживавших там крестьян было выкуплено 130 больших десятин земли. Солдаты получили земледельческие орудия, а во время походов, они были обязаны заниматься охотой и всю добычу поставлять ко двору императора. Далее автор пересказал историю пополнений личного состава формирования и изменение его статуса, указав, что последнее упоминание о полке в летописи относится к 1334 г., когда командиром гвардии монголов, кипчаков и русских был назначен Баян. Не понятна, таким образом, становится дальнейшая судьба этого формирования: «В 1368 или в 34 г. от последнего указа о русских в Пекине монголы были изгнаны из Китая. Надобно думать, что и русский полк разделил судьбу павшей династии и по удалению из Китая поселился на окраине монгольской степи или в Маньчжурии».⁴¹

Обратим внимание на очень интересное предположение И. И. Серебренникова относительно встречи русских с португальским

⁴¹ А[рхимандрит] П[алладий], «Китайские вести из Рима (отрывок из письма к редактору)», *Духовная беседа* 18/27 (1863): 367–370. Более подробно историю русского полка. См.: В. Л. Бронников, «Русская гвардия китайских императоров», *‘Хэй да ши люэ’: источник по истории монголов XIII в.* (М.: Наука–Восточная литература, 2016), 187–211.

пиратом Ф. М. Пинто в Китае в середине XVI в. Место встречи португальцем русской свиты среднеазиатского хана исследователь определил, как провинция Шэньси, а событие датировал 1543 г. Автор указал на тот факт, что поток русских пленников шел через среднеазиатские княжества, и те москвиты, которых наблюдал пират в свите среднеазиатского хана, и были потомками уведенных в Среднюю Азию русских пленников. Эта версия выглядит наиболее убедительной среди остальных объяснений историков.⁴²

В советской историографии данная версия не получила широкого распространения – очевидно, что с работами И. И. Серебренникова был знаком В. Г. Щебенков, хотя и не приводил ссылку на работы эмигрантского публициста. Автор указал, что, так как нет доказательств, что русские послы в середине XVI в. совершали путешествия через всю Азию, значит, встреченные пиратом русские были там изначально. По его мнению, русская гвардия, после изгнания монголов последовала вслед за своими повелителями, а потомки солдат-олосов продолжали оставаться на службе монголов в течение долгого времени. Именно их и встретил пират в провинции Шаньси во время своих приключений в составе свиты какого-то монгольского хана в 1527–1558 гг. Впервые эта версия была высказана В. Г. Щебенковым в 1958 г. в небольшой брошюре «История многовековой дружбы советского и китайского народов», а затем повторена и в главном сочинении исследователя «Русско-китайские отношения в XVII в.».⁴³

Эта версия, несмотря на то, что внешне она выглядит весьма убедительно, к сожалению, не имеет под собой никакого доказательного подкрепления. Именно этим объясняется её непопулярность. Среди современных авторов на этой позиции стоит А. Н. Вершинский. К сказанному его предшественником, он добавляет, что русские на службе монголов оставались и в более поздний период, возможно, даже, что в начале XVII в. во время первых русских экспедиций в Монголию и северный

⁴² И. И. Серебренников, «Русские в гвардии китайских императоров», *Нояля Заря* (Сан-Франциско: 6 августа 1938), 4; И. И. Серебренников, «Русские в Китае в XIII–XVI столетиях» *К истории Азии* (1941), 255; И. И. Серебренников, «Русские в Маньчжурии в Средние века», *Заря* (Харбин: 19 октября 1944), 2.

⁴³ В. Г. Щебенков, *История многовековой дружбы советского и китайского народов*, (Владивосток: 1958), 2; В. Г. Щебенков, *Русско-китайские отношения в XVII в.* (М.: Изд-во АН СССР, 1960), 99.

Китай, эти потомки гвардейцев могли встречаться русским дипломатам.⁴⁴

Самую необычную позицию занял Ш. Б. Чимитдоржиев. Вероятно, на основании рассказа Ф. М. Пинто, о встрече пиратами русских до приезда посольства татарского властителя, он сделал парадоксальное умозаключение. Те люди, которых рассказчик встречал в провинции Шаньси, действительно, были потомками солдат русского полка, однако те русские, которых португальцы повстречали в составе свиты, были послами.⁴⁵

Заключение

На наш взгляд ближе всех к разгадке пассажа приблизился эмигрантский исследователь И. И. Серебренников, выдвинувший предположение о том, что прибывшие в Китай русские были пленными из Руси.⁴⁶ В отличие от точки зрения В. Г. Щебенькова и А. Н. Вершинского данная версия лишена внутреннего противоречия, что освобожденный монголами, он встретил представителей *другого* народа, а не монголов, в свите хана, которых и были русские люди.

Термин «татарский» (тартарский), нельзя интерпретировать только, как монгольский, так как термином Тартария обозначались все территории к северу от Китая, включая Сибирь, Монголию и Среднюю Азию. Поэтому представляется вполне допустимой точка зрения М. П. Алексеева, что владетель Карао мог быть из Бухары, Крыма или Казани. Наиболее вероятно мнение, что он мог быть из Бухары или из каких-то иных земель Центральной Азии, так как, с одной стороны, правители этого региона могли иметь торговые, политические связи с Монгольскими ханами, а с другой стороны, там имелось множество русских рабов, захваченных казанскими и крымскими татарами во время набегов на Русь и впоследствии

⁴⁴ А. Н. Вершинский, «Стража императора Китая», *Техника - молодежи* 4 (1994): 39; А. Н. Вершинский, «Лейб-гвардия Поднебесной», *Алфавит* 4 (2000): 18.

⁴⁵ Ш. Б. Чимитдоржиев, *Россия и Монголия* (М.: Наука, 1987), 17. Отметим также, что Ш. Б. Чимитдоржиев, пожалуй, был последним исследователем, кто допускал версию о том, что уже в середине XVI в. была возможна экспедиция в Монголию и Северный Китай. Так в книге «Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв.» он отмечал, что вопрос о путешествии 1567 г. далек от завершения, видя, что и в этой истории есть следы какого-то забытого исторического события. Ш. Б. Чимитдоржиев, *Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв.* (М.: Наука, 1978), 14.

⁴⁶ В настоящее время такого мнения придерживается С. С. Балмасов. С. С. Балмасов, *Белоэмигранты на военной службе в Китае* (М.: Центрполиграф, 2007), 9–10.

перепроданных среднеазиатским купцам. Можно даже сделать смелое предположение, что некоторые среднеазиатские властители могли что-то слышать о существовании русской гвардии у императоров Китая и в подражании им создавали подобные отряды телохранителей из захваченных в плен русских. Именно такой среднеазиатский правитель, окруженный свитой, в составе которой могло быть несколько русских, приехал на встречу к монгольскому правителю, где он и повстречался знаменитому португальцу.

Список источников и литературы

Опубликованные источники

Масса, И. «Покорение Сибири.» *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.* 1941. 256–268.

«Отписки тобольских воевод царю Михаилу Федоровичу о путях сообщения из Мангазеи на Русь.» *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией*, т. II. 1875, 1049–1095.

Пинто, Ф. М. *Странствия*. М.: Художественная литература, 1972.

Литература

Алексеев, М. П. *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.* Иркутск: Ирк. обл. изд-во, 1941.

Андреев, М. «Из истории сношений России с Китаем (XVII–XX вв.).» *Северная Азия*, 5/6 (1925): 53–84.

А[рхимандрит] П[алладий] «Китайские вести из Рима (отрывок из письма к редактору).» *Духовная беседа* 18/27 (1863): 367–370.

Балмасов, С. С. *Белоэмигранты на военной службе в Китае*. М.: Центрполиграф, 2007.

Банников, А. Г. *Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай*. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949.

Бретшнейдер, Э. В. «О путях по Монголии.» *Записки Императорского Русского географического общества по общей географии* 22/1 (1892): 1–34.

Бронников В. Л. «Русская гвардия китайских императоров», 'Хэй да ши люэ': *источник по истории монголов XIII в.* М.: Наука–Восточная литература, 2016. 187–211

Васильевский, Р. С. и Д. Я. Резун. *Воспитание историей*. Новосибирск: Кн. изд-во, 1987.

Вершинский, А. Н. «Стража императора Китая.» *Техника - молодежи* 4 (1994): 38–42.

Вершинский, А. Н. «Лейб-гвардия Поднебесной.» *Алфавит* 4 (2000): 17–18.

Грум-Гржимайло, Г. Е. *Западная Монголия и Урянхайский край*. Т. III, вып. II. Л.: 1930.

Гумилев, Л. Н. *Поиски вымышленного царства*. М.: Наука, 1970.

Дацышен, В. Г. *История русско-китайских отношений (1618–1917 гг.)*. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004.

- Деопик, Д. В., Свет, Я. М. «Предисловие.» *Странствия* (1972): 6–29.
- Карамзин, Н. М. *История государства Российского*. т. IX. СПб.: 1821.
- Клеменц, Д. А. «Население.» *Сибирь, её современное состояние и её нужды* (1908): 37–78.
- Кон, Ф. Я. «Усинский край.» *Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. Записки по географии*, т. II, вып. I (1914), 1–111.
- Кюльб, Ф.-Г. *Жизнеописания древних, средневековых и нового времени путешественников, посещавших Россию, или говоривших о ней и других соседственных с нею странах*. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1865.
- Кюнер, Н. В. «Исторический очерк сношений между Россией и Китаем до второй половины XIX в.» *Новейшая история стран Дальнего Востока*, ч. II, вып. III (1910), 1–63.
- Марков, С. Н. *Вечные следы: книга о землепроходцах и мореходах*. М.: Современник, 1982.
- Марков, С. Н. *Земной круг: книга о землепроходцах и мореходах*. М.: Мол. гвардия, 1971.
- Можейко, И. В. *Пираты, корсары, рейдеры: Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV–XX века)*. СПб.: Ассоциация «ВИСТОН» ТОО «Санта», 1994.
- Моллеров, Н. М. «О спорных суждениях и ошибочных положениях Феликса Кона при освещении российско-тувинских отношений.» *История науки и техники*, 9 (2015): 47–52.
- Паркер, Э. Г. *Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен и до наших дней*. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1903.
- «Пинто». *Энциклопедический словарь*, т. XXIII а. СПб.: АО «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1898, 628.
- Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). *Известия отделения русского языка и словесности Академии наук*, т. 18, кн. 4 (1913), 257–263.
- Серебренников И. И. «Русские в гвардии китайских императоров». *Новая Заря*. Сан-Франциско: 6 августа 1938, 4.
- Серебренников И. И. «Русские в Китае в XIII–XVI столетиях» *К истории Азии*. 1941. 251–255.
- Серебренников И. И. «Русские в Маньчжурии в Средние века». *Заря*. Харбин: 19 октября 1944. 2.

Скалон, В. Н. *Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века*. М.: 1951.

Трусевич Х. *Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века)*. М.: тип. Т. Малинского, 1882.

Чимитдоржиев, Ш. Б. *Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв.* М.: Наука, 1978.

Чимитдоржиев, Ш. Б. *Россия и Монголия*. М.: Наука, 1987.

Щебеньков, В. Г. *История многовековой дружбы советского и китайского народов*. Владивосток: 1958.

Щебеньков, В. Г. *Русско-китайские отношения в XVII в.* М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Baddeley, J. *Russia, Mongolia, China*. Vol. I. London: Macmillan and Co., 1919.

Bretschneider, E. *Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*. Vol. II. London: 1888.

Jayne, K. G. *Vasco da Gama and his successors 1469–1580*. London: Methuen & Co., 1910.

Wheeler, S. «Mendez Pinto». *The Geographical Journal*, 1/2 (1893): 139–146.

Wirth, A. *Geschichte Asiens und Osteuropa*. Halle: Gebauer-Schwetschke Druckerei, 1905.

Bibliography

Published sources

Massa, I. “Pokorenie Sibiri.” *Sibir’ v izvestiakh zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov i pisatelei XIII–XVII vv.* 1941, 256–268.

“Otpiski tobol’skikh voevod tsariu Mikhailu Fedorovichu o putiakh soobshcheniia iz Mangazei na Rus.” *Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia Arkheograficheskoi komissiei*, t. II. 1875, 1049–1095.

Pinto, F. M. *Stranstviia*. М.: Khudozhestvennaia literatura, 1972.

Books and Articles

Alekseev, M. P. *Sibir’ v izvestiakh zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov i pisatelei XIII–XVII vv.* Irkutsk: Irk. obl. izd-vo, 1941.

Andreev, M. “Iz istorii snoshenii Rossii s Kitaem (XVII–XX vv.)” *Severnaia Aziia*, kn. 5/6 (1925): 53–84.

A[rkhimandrit] P[alladii]. “Kitaiskie vesti iz Rima (otryvok iz pis'ma k redaktoru).” *Dukhovnaia beseda*, 18/27 (1863): 367–370.

Balmasov, S. S. *Beloemigranty na voennoi sluzhbe v Kitae*. М.: Tsentrpoligraf, 2007.

Bannikov, A. G. *Pervye russkie puteshestviia v Mongoliiu i Severnyi Kitai*. М.: Gos. izd-vo geogr. lit., 1949.

- Bretshneider, E. V. "O putiakh po Mongolii." *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po obshchei geografii*, 22/1 (1892): 1–34.
- Bronnikov V. L. "Russkaia gvardiia kitaiskikh imperatorov." *'Khei da shi liue': istochnik po istorii mongolov XIII v.* M.: Nauka–Vostochnaia literatura, 2016, 187–211.
- Vasil'evskii, R. S. i D. Ia. Rezun. *Vospitanie istoriei.* Novosibirsk: Kn. izd-vo, 1987.
- Vershinskii, A. N. "Strazha imperatora Kitaia." *Tekhnika - molodezhi* 4 (1994): 38–42.
- Vershinskii, A. N. "Leib-gvardiia Podnebesnoi." *Alfavit* 4 (2000): 17–18.
- Grum-Grzhimailo, G. E. *Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaiskii krai.* T. III, vyp. II. L.: 1930.
- Gumilev, L. N. *Poiski vymyshlennogo tsarstva.* M.: Nauka, 1970.
- Datsyshen, V. G. *Istoriia russko-kitaiskikh otnoshenii (1618–1917 gg.).* Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2004.
- Deopik, D. V., Svet, Ia. M. "Predislovie." *Stranstvoia.* 1972, 6–29.
- Karamzin, N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo.* t. IX. SPb.: 1821.
- Klements, D. A. "Naselenie." *Sibir', ee sovremennoe sostoianie i ee nuzhdy.* 1908, 37–78.
- Kon, F. Ia. "Usinskii krai." *Zapiski Krasnoiarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Zapiski po geografii*, t. II, vyp. I (1914), 1–111.
- Kiul'b, F.-G. *Zhizneopisaniia drevnikh, srednevekovykh i novogo vremeni puteshestvennikov, poseshchavshikh Rossiiu, ili govoriushikh o nei i drugikh sosedstvennykh s neiu stranakh.* M.: Imp. O-vo istorii i drevnosti ros. pri Mosk. un-te, 1865.
- Kiuner, N. V. "Istoricheskii ocherk snoshenii mezhdou Rossiei i Kitaem do vtoroi poloviny XIX v." *Noveishaia istoriia stran Dal'nego Vostoka*, ch. II, vyp. III (1910), 1–63.
- Markov, S. N. *Vechnye sledy: kniga o zemleprokhodtsakh i morekhodakh.* M.: Sovremennik, 1982.
- Markov, S. N. *Zemnoi krug: kniga o zemleprokhodtsakh i morekhodakh.* M.: Mol. gvardiia, 1971.
- Mozheiko, I. V. *Piraty, korsary, reidery: Ocherki istorii piratstva v Indiiiskom okeane i Iuzhnykh moriakh (XV–XX veka).* SPb.: Assotsiatsiia "VISTON' TOO 'Santa', 1994.
- Mollerov, N. M. "O spornykh suzheniiakh i oshibochnykh polozheniiakh Feliksa Kona pri osveshchenii rossiisko-tuvinskikh otnoshenii." *Istoriia nauki i tekhniki* 9 (2015): 47–52.
- Parker, E. G. *Kitai, ego istoriia, politika i torgovlia s drevneishikh vremen i do nashikh dnei.* SPb.: Tip. Trenke i Fiusno, 1903.
- "Pinto." *Entsiklopedicheskii slovar'*, t. XXIII a. SPb.: AO 'F. A. Brokgauz — I. A. Efron', 1898, 628.
- Pokrovskii F. I. "Puteshestvie v Mongoliu i Kitai sibirskogo kazaka Ivana Petlina v 1618 godu (mnimoe puteshestvie atamanov Ivana Petrova i Burnasha Ialycheva v 1567 g.)." *Izvestiia otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Akademii nauk*, t. 18, kn. 4 (1913), 257–263.
- Serebrennikov I. I. "Russkie v gvardii kitaiskikh imperatorov." *Novaia Zaria.* San-Frantsisko: 6 avgusta 1938, 4.
- Serebrennikov I. I. "Russkie v Kitae v XIII–XVI stoletiiakh." *K istorii Azii* (1941): 251–255.
- Serebrennikov I. I. "Russkie v Man'chzhurii v Srednie veka." *Zaria.* Kharbin: 19 oktiabria 1944, 2.
- Skalon, V. N. *Russkie zemleprokhodtsy — issledovateli Sibiri XVII veka.* M.: 1951.
- Trusevich Kh. *Posol'skie i torgovye snosheniia Rossii s Kitaem (do XIX veka).* M.: tip. T. Malinskogo, 1882.
- Chimitdorzhiev, Sh. B. *Vzaimootnosheniia Mongolii i Rossii v XVII–XVIII vv.* M.: Nauka, 1978.
- Chimitdorzhiev, Sh. B. *Rossiia i Mongoliia.* M.: Nauka, 1987.

Shcheben'kov, V. G. *Istoriia mnogovekovoï družby sovetskogo i kitaiskogo narodov*. Vladivostok: 1958.

Shcheben'kov, V. G. *Russko-kitaiskie otnosheniia v XVII v.* M.: Izd-vo AN SSSR, 1960.

Baddeley, J. *Russia, Mongolia, China*. Vol. I. London: Macmillan and Co., 1919.

Bretschneider, E. *Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*. Vol. II. London: 1888.

Jayne, K. G. *Vasco da Gama and his successors 1469–1580*. London: Methuen & Co., 1910.

Wheeler, S. "Mendez Pinto." *The Geographical Journal*, 1/2 (1893): 139–146.

Wirth, A. *Geschichte Asiens und Osteuropa*. Halle: Gebauer-Schwetschke Druckerei, 1905.